

ИНГАР

18+

ЙОНСРУД

«ЗОЛОТОЙ КАНОН
СКАНДИНАВСКОГО
НУАРА».
Corriere della Sera,
Italy

БРАТСТВО

Триллер по-скандинавски

Ингар Йонсруд

Братство

«Издательство АСТ»

2015

УДК 821.113.5-312.4
ББК 84(4Нор)-44

Йонсруд И.

Братство / И. Йонсруд — «Издательство АСТ», 2015 — (Триллер по-скандинавски)

ISBN 978-5-17-093191-0

Пропала Аннетте Ветре, дочь влиятельного норвежского политика. Главный инспектор полиции Фредрик Бейер без особого рвения берется за дело – ведь разгадка кажется очевидной. Девушка состояла в религиозной общине, и наверняка ее исчезновение как-то связано с деятельностью секты. Однако совершенное в пригороде Осло жестокое убийство адептов учения, к которому принадлежала Аннетте, наталкивает Бейера на мысль, что дело намного сложнее, чем кажется на первый взгляд. Когда на месте преступления полиция находит лабораторию, где, судя по всему, проводились ужасающие эксперименты над людьми, Фредрик Бейер и Кафа Икбаль уже не сомневаются: настоящие мотивы всех преступлений кроются в прошлом. Но чтобы найти виновного, придется не только прочесть самые темные страницы истории, но и вступить в противоборство с теми, чья власть безгранична...

УДК 821.113.5-312.4

ББК 84(4Нор)-44

ISBN 978-5-17-093191-0

© Йонсруд И., 2015

© Издательство АСТ, 2015

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	21
Глава 8	25
Глава 9	27
Глава 10	29
Глава 11	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Игнар Йонсруд

Братство

Ingar Johnsrud
WIENERBRORSKAPET

Печатается с разрешения литературного агентства Salomonsson Agency
Перевод с норвежского Марии Назаровой

Серия «Триллер по-скандинавски»

© Ingar Johnsrud 2015
© Назарова М., перевод, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

В любой сложной популяции, такой, как, например, человеческое общество, отбор – селекция – играет определяющую роль. Чем жестче селекция, тем лучше сохраняется вид. Этот отбор среди лучших, самых жизнеспособных представителей вида изначально обеспечивался самой природой и людьми, пока они действовали в согласии с ней. Первые человеческие «вмешательства» совершались отнюдь не против природы, а наоборот, чтобы помочь ее работе. Другое дело, что использовавшиеся для этого средства были грубыми, отчасти, по нашим понятиям, жестокими. Вопрос в том, не допускает ли наше время, способствующее всему слабому и немоцному и уходящее тем самым в другую крайность, новую жестокость, которая может сравниться в варварстве со старой.
Из введения в «Расовую гигиену» Йона Альфреда Мьёэна
Издательство Якоба Дюбвада,
1938 г.

* * *

Йон Альфред Мьёэн умер в 1939 г.

Часть 1

Глава 1

В полумраке стюардесса убрала поднос с нетронутой едой: копченым лососем, босфорским морским окунем и венским яблочным штруделем. Ее движения были ловкими, настолько отработанными, что она совершала их не глядя. Обслуживая пассажира, она украдкой взглянула на него и заметила то самое выражение лица, которое приводит в замешательство, если увидишь его вблизи. Оно было как на нечетком изображении монитора, но что именно в нем было не так, она уловить не могла. Когда стюардесса потянулась за бокалом с шампанским, мужчина положил свою ладонь на ее. Девушка резко отдернула руку.

Он аккуратно убрал откидной столик. Пассажиры на соседних местах спали. Тусклые отблески навигационного фонаря, мигавшего на крыле самолета, отражались в иллюминаторе. Далеко внизу, над землей светились гирлянды золотых огней. Европа. С тех пор прошло много времени. Закрыв глаза, он просунул указательные пальцы между кожей и маской и подумал о том, что осталось в прошлом.

* * *

Частицы пыли плавно оседали в воздухе. Палящее солнце было затянато бледно-жемчужной пеленой. На высоте тысяча метров над уровнем моря простиралась степь. Воздух был разреженным. Его сопротивление при выстреле будет низким. Нельзя было представить условий лучше.

Они лежали неподвижно на каменной лестнице перед бойницей на самом верху старого минарета. Снаружи было почти сорок градусов. В башне было прохладнее, но все равно воздух плавился от жары.

Он дал глазам отдохнуть. Поморгав, перевел взгляд в тень, прекрасно зная, что Кит наблюдает в подзорную трубу. Встреча длилась уже почти четыре часа. Если губернатор хочет успеть в свой укрепленный дом до наступления темноты, то скоро будет прощаться.

Кит тронул соседа за плечо. Тот знал, что это значит, и передернул затвор. Он прицелился. Стена, которую он увидел, была некрашеной, красно-коричневой. Бритоголовый мужчина, одетый в темный жилет и светлый *перахан тунбан* – традиционную старинную одежду, которую предпочитают многие афганцы, – открыл балконную дверь. Это был Хассам, осведомитель, заманивший сюда губернатора.

Хассам отошел в сторону, давая возможность пожилому человеку выбрать место на балконе с коваными перилами. Губернатор Усмаль Абдуллах Камаль. Перекрестие прицела скользнуло по его коричневому тюрбану. Вниз по пышной седой бороде. Двое мужчин стояли в напряженном молчании, устремив взгляд в даль маковых полей.

Из-за отдачи снайпер потерял цель из виду, но, опустив винтовку, увидел, что пуля «Лапуа Магнум» 338-го калибра попала почти на пять сантиметров правее середины груди. Будь выстрел менее точным, жертва все равно была бы убита. Тем не менее в висках запульсировало от досады. Вместо того чтобы проделать большую красную дыру размером с апельсин в белой одежде губернатора, он разнес его грудь почти надвое. Балкон, Хассам и стену залил фонтан светло-красной крови. Тело губернатора дернулось, натолкнувшись на дверь, затем задержалось на мгновение, неестественно выгнувшись. Хрупкая деревянная конструкция, не выдержав, обвалилась. Тело рухнуло на пол, подняв вокруг себя облако пыли.

Снайпер передернул затвор. Было слышно, как на лестницу упала пустая гильза.
У ног губернатора, обутых в сандалии, сидел, сжавшись в клубок, Хассам.

То ли он молился, то ли им овладела паника, то ли он разыгрывал спектакль перед приближающимися телохранителями. Это не имело никакого значения. Снайпер отрегулировал прицел с поправкой на ветер и нажал на спусковой крючок. Мгновение – и тело Хассама завалилось на бок. На глиняной стене остался след в виде оранжево-красного нимба из месива мозгов, крови, волос и осколков черепа.

Убийца моргнул и подумал, что глаз – как фотокамера. Моргнув ещё раз, он не сразу открыл глаза, чтобы ощутить ту темноту, которая наступает, когда зеркало фотоаппарата опускается и время как будто замирает. Это был его момент, и он был запечатлен навсегда.

– Прощай, Хассам, – произнес Кит.

Снайпер завернул винтовку в полотенце. Пока Кит паковал подозрную трубу, убийца встал и поднялся на три ступени, отделявшие его от человека, лежавшего связанным в лестничном пролете. Несколько мух кружились у его лба с запекшейся кровью. Из-за повязки на глазах было невозможно определить, был ли пожилой имам в сознании. Он дышал учащенно и хрипло. Снайпер достал из кобуры пистолет. Кит покачал головой:

– В этом нет необходимости.

У минарета они пожали друг другу руки.

– Организация желает вам удачи в Норвегии, – сказал Кит.

В ответ снайпер только прошипел.

Глава 2

- Фредрик Бейер. Через «й» после «е».
- Адрес?
- Соргенфригатен, дом шесть. Это район Майорстюен.
- В Хейнекегорен?
- Что?
- Я предположил, что вы живете в Хейнекегорен. А родились вы в ...?
- Здесь, в Осло. Это имеет какое-то значение?
- Прошу прощения. Я имел в виду год рождения. Сколько вам лет?
- Сорок восемь. Мне сорок восемь.

Расположившийся на кожаном диване главный инспектор полиции потянулся своей огромной рукой за ложкой в банке с растворимым кофе, взял ее, повертел в руках и заметил на металлической поверхности выпуклой части свое слабое отражение: пряди волос на висках с едва проступающей сединой. Зато его тонкие, хорошо подбритые усы выглядели так, будто кто-то нарисовал их ему, пока он находился в состоянии опьянения.

Перед полицейским сидел штатный психолог. Над головой психолога висел постер с Эрнестом Хемингуэем с обнаженным торсом.

- Разве Хемингуэй не застрелился?
- Как и его отец.
- Не забавно ли, что психолог украшает кабинет портретом парня, снесшего себе башку?
- Думаю, не забавнее, чем то, что вы живете на Соргенфригатен¹, – ответил психолог, уверенным кивком головы указав на толстую папку пациента на столе между ними.

Следователь недружелюбно фыркнул. В лучшем случае адрес был выбран произвольно.

- Бывшая жена выбирала квартиру.
- Значит, вы были женаты. Дети есть?
- Трое... двое. Я имею в виду двое.
- Так трое или двое?
- Один из них умер.
- Прошу прощения. Что с ним произошло? – Мозгокопатель с двойным подбородком потуже затянул резинкой волосы в хвост.

Сюда-то и приходили «облегчиться» полицейские со всего города. Стены комнаты были такого грязно-белого цвета, будто впитали в себя извергавшиеся здесь ежедневно миазмы злобы, связанной с чувством неполноценности и страха. Отвратительно. Кабинет психолога был не больше клетки, и Фредрику Бейеру не хватало воздуха. Фредрик поднялся с засиженного посетителями кожаного дивана, и тот заскрипел. Выпрямившись во весь рост, Фредрик почти доставал головой до потолка. Полицейский встал у окна. Желтоватые шторы хлопали по мокрому алюминиевому подоконнику.

Психолог остался сидеть спиной к полицейскому, и когда Фредрик обернулся, то увидел только хвост его секущихся волос и лоснящуюся от пота макушку. Мозг в этой голове был промаринован самыми темными тайнами полицейских. Этот парень – уличный сортир всей полиции Осло. Черта с два, да ни за что он не будет обсуждать с ним своего сына.

- Вы живете вместе с детьми?

Фредрик сощурился.

¹ Буквально «улица без печали» (норв.). – Прим. пер.

– Нет. Они живут в Тромсё. Со своей матерью Элис и ее новым мужем, – Фредрик снова скользнул на диван. В левой коленке больно хрустнуло. – Я здесь не по своей воле. К этому мне нечего добавить. Меня поставили перед выбором: или ходить к вам, или взять долгий отпуск.

Психолог провел пальцем по складке двойного подбородка.

– Потому что вы не считаете себя больным?

Тон психолога не оставлял никаких сомнений в его презрении к самодиагнозам.

– Психом? – спросил Фредрик, уставившись на собеседника. – Нет.

Глава 3

Над железнодорожным вокзалом нависло серое июньское небо. Из окна автомобиля было видно идущих по своим делам жителей Осло с закрытыми зонтиками и всепогодными куртками. Фредрик опустил противосолнечный козырек, увидел свое отражение в зеркале и провел ладонями по короткостриженным волосам. Он достал из кармана большие новые почти квадратные очки в металлической оправе. Фредрику казалось, что в них он похож на агента штази, и ему это нравилось. Губы главного инспектора полиции вытянулись в улыбке. Он погладил усы и бросил беглый взгляд на сидевшего рядом человека.

– Кари Лисе Ветре, – барабаня большими пальцами по рулю, повторил старший инспектор полиции Андреас Фигуэрас – на этот раз чуть громче. – Разве к ней не были приставлены на какое-то время наши телохранители?

Фредрик откинул голову на деревянный массажный коврик на подголовнике.

– Из этого так ничего и не вышло.

На повороте на Конгенс-гате напарник Фредрика в знак понимания прищелкнул языком. Они направлялись в сторону безжизненного района офисов и административных зданий, куда забредают только заплутавшие туристы, залетают свободные городские пташки и где снуют офисные сотрудники среднего звена. В тоскливую часть города, которая называется Квадратурен.

– Напомни, что это было за дело, – попросил Андреас. – Что-то связанное с геями?

– Ну вроде того. Она была свидетельницей того, как у кинотеатра «Колизей» избili гомосексуальную пару. За несколько дней до суда ей позвонил мужчина и сказал, что выпустит из нее кишки, если она даст показания. Угрозы поступали в адрес нескольких человек, но, так как у нее особый статус, забили тревогу.

– Да, понятно, что к ней особое отношение. Чертовы политики, – прорычал Андреас, снимая с головы с седыми завитками очки и надевая их на нос. Андреас был на несколько лет старше Фредрика, но тем не менее его начальником был именно Фредрик.

– Есть какая-нибудь связь с этим делом? – продолжил он, когда Фредрик проигнорировал его приглашение изливать желчь на народноизбранных.

– Нет, никаких связующих нитей.

– Ведь теперь пропала ее дочь.

– Дочь и внук. Судя по всему, они состоят в какой-то общине.

– Очередное дерьмовое дело, – простонал Андреас, выпятив свой мощный подбородок вперед. В редкие минуты, когда он не был раздражен, Андреас с глубокими, как два колодца, глазами, смуглой кожей и угловатой физиономией казался самым красивым полицейским в городе.

Фредрик закрыл глаза, размышляя о женщине, с которой им предстояло встретиться. Ветре отличало чувство стиля, что так нехарактерно для норвежек. Она потерпела, как писали СМИ, сокрушительное поражение в борьбе за пост лидера Христианской народной партии и стала заместителем председателя. На экране Ветре смотрелась как политик, который ведет себя искренне и не производит при этом впечатление лицемера.

Полицейские припарковались на гравиевой стоянке около Военного общества Осло – элегантного здания правильной формы с эркером на фасаде, сообщающегося одной стеной с крепостью Акерсхюс. Одернув вельветовую куртку и заправив в джинсы белую футболку, Фредрик взглянул на своего напарника. У Андреаса было три рубашки цвета слоновой кости, три пары серых брюк и два костюмных пиджака приталенного кроя. Фредрик редко видел его в другой одежде. Андреас одевался со вкусом.

– Это церемония для ветеранов войны, – пояснил Фредрик, когда они проходили мимо двух пушек с заткнутыми дулами у входа. Внутри пахло лимоном и креветками. В большом парадном зале сидели сотни как будто высеченных из камня мужчин и несколько женщин. Охотники за нацистами, исламистами и воины-миротворцы. Министр обороны и несколько заслуженных ветеранов были удостоены почетного места под портретами королевской семьи. Кари Лисе Ветре находилась в другой части зала, где под потолком золотыми буквами был нанесен королевский призывный лозунг: «Всё для Норвегии». Она пламенно что-то обсуждала со своими соседями по столу. Первый был статным, рыжеволосым мужчиной за пятьдесят, с усами, напоминавшими жесткую щетку. Второй – дряхлым стариком. Много лет назад он, вероятно, был сильно изуродован. На его лице остались шрамы, похожие на ожоги. Кожа на больших участках головы была растянута и сморщена, как картон, который сначала намочили, а потом высушили. Белые, как известь, руки покоились на округлой рукоятке черной трости.

Прокладывая себе путь между столиков, Фредрик встретился взглядом с Ветре.

– Я комиссар полиции Бейер. Мы общались по телефону...

Политик из Христианской народной партии сдержанно улыбнулась.

– Господа, к сожалению, я должна откланяться. Бейер, это Стейн Брённер, военный историк, – представила она своих собеседников, и едва заметная улыбка тронула ее тонкие губы. – А это Кольбейн Име Мунсен. Господин Мунсен – один из наших героев Второй мировой войны.

Ветеран уставился на Фредрика ясными темными глазами.

– Бейер... – пробормотал он.

Они пожали друг другу руки. Затем старик достал из нагрудного кармана складной гребень с костяной ручкой, на которой вычурным шрифтом было выгравировано: «КИМ». Трясущимися руками он пригладил выбившиеся на затылке волосы.

Андреас ждал их в соседнем зале. Вдоль стен висели нарисованные от руки карты и портреты офицеров с мрачными лицами.

Кари Лисе Ветре решила опустить формальности.

– Я огорчена тем, что все заняло так много времени. Прошло уже больше месяца с тех пор, как я к вам обратилась.

Во взгляде Андреаса после этой фразы промелькнула тревога.

– Ваша дочь ведь взрослая женщина, – начал он. – И тем более у нас нет оснований полагать, что это как-то связано с криминалом. Так что, возможно, она просто не хочет общаться...

Андреас посмотрел на нее поверх очков и продолжил:

– ...со своими родителями?

Ветре глубоко вздохнула собираясь что-то сказать, но Фредрик опередил ее.

– Мой коллега хочет сказать, что нам пришлось обратиться в несколько инстанций, чтобы соблудности служебную тайну и прочие вещи.

Он тут же продолжил:

– И мы, и служба защиты детей обеспокоены ситуацией, сложившейся с вашим внуком. Его, кажется, зовут Уильям?

– Уильям Давид Ветре Андерсен, – подтвердила Ветре. – Ему скоро исполнится четыре.

– Верно. Ну, у службы защиты детей уже были проблемы с общиной, в которой состоит ваша дочь. Поэтому мы и начали расследование, исходя из того, что, *возможно*, мы имеем дело с исчезновением.

– Хорошо, – сказала Ветре, окинув Андреаса проницательным взглядом.

Они сели.

Глава 4

Если бы ему пришлось угадывать, сколько ей лет, он бы сказал – сорок пять, но он знал, что Ветре была старше. Ей было за пятьдесят. Ее возраст использовали против нее, когда она стала *всею лишь* заместителем председателя партии. Темные волосы собраны на затылке, одета в облегающий серый костюм. На шее – маленький серебряный крестик.

– Я не говорила и не виделась с Аннетте уже полгода, – начала она.

Когда она села, ее голос стал еще более мрачным. Ветре стремилась продемонстрировать, что она справляется с собственными чувствами. Ничего необычного для тех, кто привык, что их выбирают. Они презирают слабость. И более всего – свою собственную.

– В большинстве случаев родители впадают в отчаяние из-за бунта детей. Дети напиваются, экспериментируют с наркотиками, занимаются сексом. Что мне об этом известно? С нами никогда такого не было. Моя дочь сердится на меня за мою, как она считает, чрезмерную либеральность. А я на нее за то, что она исчезла вместе с моим внуком. И за то, что она языкастая консерваторша, – Ветре слабо улыбнулась.

– Потому что Аннетте...

Стул скрипнул, когда она откинулась на его спинку и остановила взгляд на потолке, будто слова, которые она искала, спрятались там, под штукатуркой.

– Аннетте живет только для Бога.

У Ветре были блестящие ухоженные волосы. Каждый волосок – на своем месте. Постоянное расчесывание не оставляло челке никаких шансов к бунту.

Все началось, когда Аннетте была подростком. Она не хотела идти в церковь, потому что на дух не переносила женщин-священников, священников-геев, изменения в литургии. Аннетте считала, что церковь издевается над своим собственным Богом.

Ветре усмехнулась и покачала головой. Фредрику показалось, что морщинки вокруг ее глаз в действительности гораздо заметнее, чем во время ее выступлений на телевидении, но его поразило, насколько очевидным было сходство политика с ее телевизионным альтер эго. Скромный макияж был безупречен. Красная помада на губах символизировала доверие и тепло. И было в ней что-то еще едва уловимое. Ее помада была ровного, глубокого, чувственного оттенка и смотрелась так изысканно. Лишь при мимолетном взгляде она казалась обычной, а на самом деле ее тон вызвал к подсознательному, любви и вожделению.

Действительно достойный политик.

– Тем не менее мы сохраняли некое уважение друг к другу. Сначала ее вовлекли в «Свет Господень»... В общину, как вы ее называете. И тогда все изменилось.

Рыжеволосый официант-швед подал им кофе. Пока он стоял у столика, Ветре молчала.

Семь лет назад Аннетте начала посещать богослужения в секте из Филадельфии «Свет Господень». Она бросила учебу на лаборанта всего за несколько месяцев до сдачи последнего экзамена.

– Как чертовски глупо, – добавила политик, тяжело вздохнув.

Затем Аннетте продала квартиру на Санктхансхауген – ту, что купили родители, – и переехала в общину. Там она познакомилась с Пером Улавом, отцом Уильяма. Они не хотели венчаться в церкви, но у них было что-то вроде церемонии.

– Нас не пригласили, – подытожила Ветре. Она моргнула и тонкими указательными пальцами потеряла уголки глаз.

– Все, должно быть, произошло очень быстро, потому что я не могу представить, чтобы Аннетте легла с кем-то в постель, прежде чем их отношения не получили... благословения. Как вы понимаете, она не такая девушка.

– Да, кажется, на нее это не похоже.

Но счастье оказалось недолгим. Пер Улав умер сразу после рождения Уильяма. Из-за какой-то инфекции. В больнице не сказали ничего определенного. Случайность. Или воля Божья.

– Это ведь зависит от того, кого вы спросите, – задумчиво проговорила Ветре.

Андреас оторвал взгляд от записной книжки:

– Где находится община?

– В долине Маридален. В доме, который они называют Сульру. Нам с мужем не разрешают туда приходить. По словам Аннетте, никому нельзя посещать общину. Это какая-то их параноидальная идея.

Ветре вытянула пальцы, изучая свой безупречный красный маникюр.

Аннетте навещала родителей. Нечасто, но бывало. Может быть, ее трогали слезы матери, каждый раз когда та видела внука. Может быть, это были уколы совести из-за того, что она отказалась от хорошей жизни, устроенной для нее родителями. Но вот уже полгода как она не приходила. Ни слова за полгода.

– Я участвовала в дебатах на радио, где речь шла о девушках и абортах. Я против абортов. Вы вряд ли найдете кого-то в партии, кто был бы за, но я также считаю, что бывают ситуации, когда аборт может быть альтернативой. Очевидно, что Аннетте слушала эту программу. Она была в ярости, кричала и спрашивала, хотела бы я, чтобы она сделала аборт и не рожала Уильяма.

Ветре закатила глаза.

– Как будто это имело какое-то отношение к делу. Она решила, что я берусь судить творение Бога. Что я отступила от Бога. С тех пор мы не общались.

Она опустила глаза.

– В последние месяцы я звонила ей каждый день. Мы с мужем отправили ей бесчисленное количество сообщений. Мы умоляли ее подать хоть какой-нибудь знак. Дважды мы приходили к дому общины, но нас грубо выгоняли. Они ставят вдоль дороги своих людей. Охранников.

Она встретила взглядами с Фредриком.

– Из общины...

На улице Фредрику нашлось место под черным зонтиком Ветре. Они неспешно прошли вдоль каменного фасада Министерства охраны окружающей среды на улице Недре-Слоттсгате. Моросил летний дождь. Андреас отогнал машину обратно в полицейский участок.

– Что тебе известно об этой общине – «Свет Господень»? – спросил Фредрик.

– Помнишь Бьёрна Альфсена – младшего?

Фредрик покачал головой.

Бьёрн Альфсен лишился родителей и старшего брата в автомобильной аварии и, оставшись единственным наследником семейного концерна по лесозаготовкам, стал владельцем сотен миллионов. Если бы он хорошо умел обращаться с наследством, он бы и сейчас оставался одним из богатейших людей Норвегии. Но вскоре после смерти деда, в середине семидесятых, он продал все. Всего за несколько лет он умудрился промотать все семейное состояние. Вечеринки и неудачные инвестиции сделали свое дело. Он вложил крупную сумму в алмазную шахту в Южной Африке и все потерял. Альфсен сотрудничал с режимом апартеида, но местные бизнесмены обманули его. Начало восьмидесятых он провел в судах. Его преследовали банкротства и разъяренные партнеры.

Фредрик подумал, что это – проклятье богатства. Первое поколение зарабатывает деньги, второе поколение распоряжается ими, а третье – проматывает. На самом деле ничего необычного. Трудно ценить то, за что тебе никогда не нужно было бороться.

– Много лет он вел уединенный образ жизни, но в середине девяностых вдруг снова напомнил о себе в качестве влиятельного спонсора в общине пятидесятников².

– Значит, он снова разбогател?

– Не знаю. У таких богатеньких детишек ведь всегда спрятано под подушкой несколько крон. Он стал очень консервативен в вопросах морали. Начал предъявлять некоторые требования к общинам, которые поддерживал. На эти требования многие отреагировали негативно. Отношения переросли в конфликт, и он порвал с ними. Основал свою секту.

– «Свет Господень», – подытожил Фредрик.

– Он даже называет себя пастором.

Фредрик бросил беглый взгляд на фахверковые дома³ на площади Кристианиа-торв. Здесь располагались одни из старейших построек в городе, возведенные богатыми горожанами. Сегодня уже никто и не помнит, кем были те люди. Мимо прогремел трамвай, и асфальт под ногами задрожал.

– Я помню «Свет Господень». Это было лет одиннадцать-двенадцать назад. Они выступали с каким-то жестоким протестом, да?

– Да. Против общества, которое, как они считали, находится в моральном упадке, – сказала Ветре. – Они выступали против постройки мечетей рядом с больницами, где делали аборт. Они бойкотировали венчания гомосексуалистов и митинговали рядом с церквями, где служили священники-женщины. Они считали, что Бог нас накажет. Что Судного дня не избежать... Но потом они все-таки успокоились и исчезли. Честно говоря, я думала, что секта распалась.

Они остановились попрощаться перед Стортингом⁴ – там, где Кари Лисе Ветре провела значительную часть своей взрослой жизни. Всю жизнь на виду у людей. Фредрик подумал: каково это, когда твоя мать – общественное достояние. И действительно ли в этом все дело? Запоздалый детский бунт дочки политика?

– Почему вы называете это сектой?

– Потому что это и есть секта. Они верят, что владеют абсолютной истиной. У них сильный лидер. Они изолированы от окружающих. Считают себя пророками Судного дня.

Перечисляя каждый пункт, Ветре загибала пальцы.

– Это все как будто взято из учебника. Вы считаете, это хорошее место для воспитания детей?

И, не дожидаясь ответа, она протянула руку.

– Ну что же. Мне еще нужно выиграть выборы. Спасибо за вашу помощь. Мы это очень ценим. И мой муж, и я.

Она улыбнулась, точь-в-точь как по телевизору.

² Пятидесятники – последователи одного из протестантских направлений, возникших в нач. XX в. в США. В Норвегии миссионерская организация пятидесятников действует с 1915 г. –Прим. ред.

³ Тип здания с характерной расшивкой стен, возводимый по каркасной технологии. Распространен в Германии и странах Северной Европы. –Прим. пер.

⁴ Стортинг – норвежский парламент. –Прим. пер.

Глава 5

Пахло плесневелой землей и жареным беконом.

Фредрик открыл окно на застекленном балконе и, прищурившись, посмотрел вниз на узкий двор. Его окутал прохладный летний воздух, и грудь покрылась мурашками. Он перегнулся через балконные перила, двумя руками поднял хлипкие цветочные ящики и поставил на бетонный пол. Вонючая коричневая жидкость потекла между пальцев ног. Растения, на которых под летним солнцем должны были появиться сиренево-синие и красные цветы, поникнув, безжизненно свисали с ящиков. Стоял ранний июль.

В стекле балконной двери Фредрик увидел свое отражение. Из одежды на Фредрике были только светлые джинсы. После подъема ящиков заболело колено, и он заметил, что хромает. Лицо Фредрика было вытянутым, с очерченными скулами. Тонкие усы, пережиток молодости, загибались к уголкам рта. Он сбрасывал их пару раз, но никак не мог привыкнуть к своему образу без них. Из-под густых бровей смотрели узкие глаза. «У тебя взгляд старого лабрадора, – сказала она ему, когда он лег на нее снова. – Невозможно отказать». Он знал, что она любит собак, но ему не нравилось, когда его сравнивали с ними.

Фредрик остановился в дверях кухни. Последний раз он стоял как гость в собственном доме очень давно. Фредрик жил один, но его дом был не похож на холостяцкую берлогу. Столешница была чистой, посуда стояла в посудомоечной машине, а пустые бутылки сложены в полиэтиленовые мешки. Стены выкрашены в белый цвет, кроме «фартука» над плитой, выложенного в шахматном порядке кричаще-яркой оранжево-красной плиткой. Это была ее идея. Когда она уехала, Фредрик снял плакаты с Эйфелевой башней и дымчатой кошкой с лорнетом. Фредрик хотел повесить свои, новые. Желто-черная нарисованная от руки афиша: «Роллинг Стоунз» на фоне Альтамонтского парка⁵ в 1969-м. Фестиваль на острове Калвойя⁶ в 1977-м, где хедлайнером были «Смоуки» со спускающимся с неба самолетом. Но пока что стены пустовали. Она снова была здесь.

Она стояла у плиты – с ровной спиной, переходящей в большие круглые ягодицы. Он остановил взгляд на ее белых широких половинках. Одна из них была все еще красной. От ягодиц, как от устойчивого округлого основания якоря, вверх поднималась самая красивая часть ее тела. Анатомически идеальный изгиб поясницы с тонкой талией, напоминавшей по форме виолончель. Годы и беременности не прошли бесследно для ее тела: округлили его и оставили некоторые следы, словно волны в источенном кремне. «В самом соку», – разглядывая ее, прищурившись, подумал Фредрик.

– Что ты там разглядываешь?

Она перекинула волосы, небрежно собранные в хвост, через плечо, послав Фредрику подозрительный взгляд.

– О чем задумались, господин Бейер?

Элис повернулась, и он усмехнулся. В руке она держала лопатку для жарки. Элис была не совсем голой. Вокруг шеи и талии она повязала фартук – единственный на его кухне. На белом нагруднике, закрывавшем ее среднего размера груди, был изображен желтый танк, а под ним – серая голова трески. Это что, какая-то символика? В таком случае она ему непонятна.

Потом они ели в мирной тишине. После съеденного завтрака на тарелках оставались хлебные крошки, жир, следы яичного желтка и помидорные лужицы. Прихлебывая остывший

⁵ Имеется в виду Альтамонтский рок-фестиваль 1969 г., местом проведения которого стал расположенный в Калифорнии Альтамонтский гоночный парк. – *Прим. ред.*

⁶ Остров в Осло-фьорде. – *Прим. ред.*

кофе, Фредрик листал газету «Дагенс нарингслив», не вчитываясь в смысл. В гостиной играла музыка Дайаны Кролл из вчерашнего плей-листа. Работа по его составлению того стоила.

– Жизнь должна состоять из таких суббот, как сегодня, – сказала Элис.

Наклонившись вперед, она написала сообщение в телефоне и продолжила:

– У меня самолет через пару часов. Так что мне пора ехать.

Подняв голову, она скорчила ему мину. Он изучил ее взглядом. На бывшей жене был широкий красный топ, скрывавший ее формы. Сейчас она поедет домой в Тромсё, к Эрику. К своему новому мужу. У наружных уголков ее зеленых глаз от смеха проступали обаятельные морщинки, а на носу все еще можно было различить веснушки.

– Он понятия не имеет, что ты здесь?

– Что я сплю с тобой? Не думаю, что он может представить такое в своих самых, самых странных фантазиях.

– У тебя есть кто-то еще?

Элис моргнула, взмахнув ресницами.

– Ну конечно же нет, Фредрик.

Помедлив, она добавила:

– Должны же быть границы.

Элис оценивающе взглянула на него.

– А как дела с... ней? Как ее зовут?

– С Беттиной. С Беттиной все хорошо.

– Вы по-прежнему встречаетесь?

– Да.

– Вместе спите?

– Так точно.

– Замечательно! На нее можно положиться? – голос Элис стал выше почти на полтона.

– Вполне.

– Я забыла, чем она занимается? Она работает в полиции?

Он улыбнулся Элис. Он знал, что она знала.

– В центральном управлении.

– Ну конечно! Точно-точно.

Фредрик отодвинул деревянный стул, встал, собрал грязные тарелки. Ему захотелось сменить тему.

– Кстати, ты знала, что этот дом называется Хейнекегорен? Его назвали в честь построившего его архитектора Георга Хейнеке.

Элис вопросительно взглянула на него.

– С каких это пор ты интересуешься архитектурой?

– Мне всегда нравились красивые вещи, – сказал он, кивком головы показав в ее сторону.

Она пропустила это мимо ушей.

– Наш полицейский психолог рассказал мне об этом.

Элис обеспокоенно сморщила лоб, что ему ужасно не нравилось: «Почему он не рассказывал об этом раньше? Черт возьми. Сказал только теперь».

– Ничего серьезного. У меня опять было несколько приступов. Он считает, что это страх. Фредрик глупо улыбнулся.

– Он считает, что это связано со стрессом. Мне рекомендовали меньше работать. Так что отпуск будет очень своевременен. Жду не дожусь, когда увижу детей.

Элис посмотрела на него с сочувствием, как на беспомощного ребенка. Это значило: «Я знаю тебя. Знаю лучше, чем большинство людей. Лучше, чем все остальные. Я знаю, что живет внутри тебя».

– И как тебе этот психолог?

– Понятия не имею, я же ходил только для галочки.

Она вопросительно вскинула голову.

– Один из моих начальников оставил ему сообщение, что беспокоится за меня. Мне нужно было получить штамп, чтобы продолжить работу.

Элис надела дорогой прозрачный дождевик. Фредрик проводил ее в коридор.

– Ты поймешь, если я не приеду на похороны? Слишком долгий путь для меня и детей. Якоб и София едва с ней знакомы.

– Я на это и не рассчитывал. Я вполне справлюсь сам с похоронами матери.

Она дотронулась до его щеки.

– Беттина придет?

Он кивнул.

– Хорошо. Может быть, она все-таки не так плоха.

Элис выдавила улыбку, и они ненадолго обнялись на прощанье.

– Береги себя, Фредрик. Дети очень ждут тебя. Они скучают по отцу, знаешь ли. Позаботься о том, чтобы им было хорошо.

– Ага, – ответил он и хлопнул ее по ягодице.

Едва Фредрик успел открыть банку «Карлсберга», как зазвонил телефон. Он не стал подходить: пусть автоответчик делает свою работу. Фредрик неспеша допил пиво и потянулся к мобильному телефону на столе.

Звонила Сюнне Йоргенсен – его начальница, одна из руководителей отдела по борьбе с насилием и преступлениями, совершенными на сексуальной почве в управлении округа Осло.

– Фредрик, позвони мне. В общине Сульру произошло массовое убийство. Я отправила за тобой машину.

Глава 6

Тяжелые капли дождя ударили о лобовое стекло. Дворники молотили неустанно, стряхивая воду. Едва Фредрик успел взглянуть на просторы Маридалена, как их машина уже промчалась мимо.

Около развалин церкви Святой Маргариты на северном берегу озера Маридалсванне сидевший за рулем молодой полицейский выключил синюю мигалку и снизил скорость. Хотя с Иванова дня прошло всего две недели, стояли густые сумерки.

Даже заядлые велосипедисты остались дома этим вечером.

Они свернули с главного шоссе. Чуть выше на склоне поля заканчивались и начинался густой еловый лес, сквозь который пролегла гравиевая дорога. Через некоторое время синие и красные сигнальные фонари автомобиля осветили деревья. Полицейские остановились в конце длинной череды патрульных машин и карет скорой помощи.

– Спасибо, что подвез, – поблагодарил Фредрик и взял свой дождевик с заднего сиденья.

Воздух был холодным, и запах дождя перебивал запах сырой земли и мха.

Фредрик увидел, как кто-то низкорослый со светлыми нагеленными волосами машет ему, подзывая к пушистому еловому дереву. Это была помощник комиссара полиции Сюнне Йоргенсен.

– Добрый вечер, – сказала Сюнне на вдохе.

Сверкнув зажигалкой, она выпрямилась и сделала глубокую затяжку. Сигарета потрескивала. Ее круглое лицо с маленьким плоским носом и ненакрашенными глазами на секунду стало умиротворенным. Сюнне пыталась нащупать карман в дождевике, чтобы убрать туда пачку сигарет.

– А разве он добрый? – спросил Фредрик.

Она поморщилась.

– Творятся жуткие вещи, Фредрик. У нас пять трупов. Все люди убиты несколькими выстрелами в упор. С одним расправились прямо в его спальне. Он был в пижаме. Ни раненых, ни выживших нет.

Сюнне нащупала карман.

– Аннетте Ветре среди... – начал было он.

Сюнне перебила его.

– Нет. Все убитые – мужчины. Но пока ни один не опознан.

Он вопросительно посмотрел на нее.

– И ты уверена, что это Сульру? А где остальные члены общины?

Она провела языком по сережке в нижней губе.

– Над входом в главное здание большими буквами написано «Сульру», так что я вполне уверена в этом. Но здесь – ни одной живой души. Община просто-напросто испарилась.

За три затяжки Сюнне выкурила полсигареты. Она затушила окурочек, снова достала пачку, засунула его туда и убрала пачку в карман.

– Пошли со мной, – сказала она, натянув капюшон на голову, и вышла в непогоду.

Они шли через лес по узкой грязной дорожке. Вскоре они пришли к изрытому участку земли, где одетые в дождевики полицейские толкались, исследуя место преступления, освещенное сине-белым светом мощных прожекторов. Участок был размером примерно с баскетбольную площадку. В конце его располагался белый особняк. Слева от него стоял небольшой красный амбар, а на мосту въезда в него двое унылых полицейских устанавливали палатку над тем местом, где лежали трупы.

Посреди поля лежали еще два трупа. Один на спине, другой на боку, с неестественно закрученными ногами. У обоих отсутствовала большая часть лиц.

– Когда это случилось? Кто сообщил? – спросила Сюнне, большими шагами обходя трупы и направляясь вместе с Фредриком к дому. – В 12:56 в аварийную службу поступил анонимный звонок. Очевидно, это своеобразная месть во имя Аллаха.

Сюнне оглянулась.

– У нас ушло некоторое время на поиски места. Сульру – это неофициальное название.

– Знаю, – пробормотал Фредрик, – значит, когда ты звонила...

– ...едва успела представить картину произошедшего. Себастиан едет. Мы всюю забили тревогу.

Над входом в дом, над деревянной дверью, висела широкая планка, на которой большими буквами было написано «Сульру». Внутри криминалисты поставили коробку с бахилами, латексными перчатками и марлевыми масками. Во всю стену узкой прихожей висела картина, на которой было изображено, как облаченный в белые одежды Иисус ступает в солнечном сиянии.

– Месть во имя Аллаха, – медленно произнес Фредрик, снимая дождевик. – Значит, это какой-то религиозный протест?

– Разве не ты говорил, что эта община была очень враждебно настроена к исламу? Что они устраивали демонстрации против мечетей и всего подобного? – спросила она.

– Говорил. Но ведь массовое убийство – это уже перебор.

– Есть кое-что еще, – сказала Сюнне.

Что за сумасшествие могло привести к тому, что кто-то разыскал общину посреди леса и перерезал людей как скотину? Стоя в коридоре, Фредрик задавался вопросом, что руководило убийцей, или убийцами. И тут полицейские увидели неровный ряд крючков и бирки с именами, выведенными печатными буквами так неуклюже, словно писал ребенок. Они что, остановились и читали? Пустовавший деревянный крючок был подписан: «Аннетте», а на соседнем, прикрепленном на высоте почти метр от пола, висела кепка из зоопарка, а на бирке – надпись: «Уильям».

Должно быть, когда они прокрались внутрь, стояла мертвая тишина. Наверное, они заглянули в детскую и увидели, как аккуратно разложены по полкам все игрушки, почувствовали запах зеленого жидкого мыла на кухне, пробрались через швейную комнату, где все для шитья лежало по корзинкам, а швейные машинки были предусмотрительно накрыты пластмассовыми крышками, чтобы чьи-нибудь маленькие ручки не поранились, если вдруг кто-то из девочек или мальчиков встанет раньше взрослых. У лестницы на второй этаж они, вероятно, поняли, что все спят.

Община была беззащитна, но это их не остановило. Они пробирались все дальше и дальше – туда, где были люди.

У лестницы висела свеженаписанная картина размером примерно полтора на полтора метра. На ней был изображен Иисус в терновом венце, с раной на лбу, из которой струилась, стекая по щеке, кровь. Увеличенное изображение лица произвело на Фредрика отталкивающее впечатление. Лик был выписан столь тщательно, вплоть до каждой поры, что каждый мелкий изъян бросался в глаза.

Это было не просто чувство, когда подходишь к кому-то слишком близко.

Это было нечто большее. Акт насилия, совершенный тем, кто решил, что это изображение должно висеть здесь. Эта картина была последним предметом, мимо которого проходили жители этого деревянного дома, отправляясь спать. Каждый вечер они проходили мимо страданий Иисуса. И каждое чертово утро. Они не успевали даже почистить зубы или опорожниться, как им сразу напоминали обо всех мерзостях этого мира.

Верхняя часть лестницы переходила в широкий коридор: здесь повсюду остались следы убегавших от преследователей. Все двери были распахнуты, одежда и игрушки разбросаны вдоль стен, рамка с аэрофотоснимком хутора упала, и стекло разбилось.

– СМИ уже отметились? – спросил Фредрик.

– Нет. И мы стараемся не афишировать произошедшее. Я очень хочу сохранить контроль над местом преступления, прежде чем здесь начнут крутиться фотографы.

– Хорошо. Я должен предупредить Кари Лисе Ветре, пока до нее не дозвонились газетчики.

Они направились в комнату в конце коридора. Комната оказалась маленькой и старомодно обставленной. На окне висели белые кружевные шторы, на подоконнике цвела бегония. Одеяло лежало на полу. Хозяин комнаты – приземистый человек с бледным лицом, одетый в бело-синюю полосатую пижаму, – стоял на коленях перед кроватью, опустившись щекой на простыню. Его большие остекленевшие глаза уставились в пустоту.

– Это пастор Альфсен, – сказал Фредрик.

– Кто?

– Бьёрн Альфсен – младший. Он управлял общиной.

Склонившись, Фредрик стал осматривать труп. Голова Альфсена была с залысинами. Редкие седые волосы были коротко подстрижены. По эспаньолке Фредрик узнал в нем человека с фотографий, которые присылала ему Ветре. Прямо над правым ухом пастора была маленькая красно-черная дырочка. Матрас был залит кровью.

– Казнен за молитвой у собственной кровати, – сухо констатировала Сюнне. – И посмотри сюда.

Она достала шариковую ручку из нагрудного кармана и указала ею на смятую простыню.

Короткие пальцы пастора набухли: его запястья были туго перетянуты зеленым шелковым шарфом. Сюнне показала ручкой на шарф. Фредрик, прищурившись, разглядывал изящную белую вязь.

– Арабский, – заключил он.

Глава 7

Когда приехали криминалисты, Фредрик все еще находился в спальне Бьёрна Альфсена, изучая содержимое книжных полок. На самой нижней лежали толстые стопки старых записных книжек, распечатки интернет-страниц и копии агитационных листовок, призывающих бороться с безбожной клоакой, в которую, по мнению общины, погрузилась страна. Еще были рецепты еды, тексты псалмов и записи проповедей, а также покрытый пылью мобильный телефон.

Четыре средние полки, как ни странно, остались нетронутыми. На каждой стояло по две фотографии. Фредрик внимательно изучил их.

На всех снимках фигурировал пастор, но люди, с которыми он был сфотографирован, были все время разные. На одном из фото он был запечатлен погожим летним днем на фоне освещенного солнцем белого дома, где теперь лежал его труп. Рубашка в красную полоску растегнута на груди. Альфсен щурится на солнце. Некрасивый загар, кожа выглядит дряблой. Рядом стоят двое детей. Двое мужчин за тридцать. Мужчина и женщина. Аннетте и Уильям. Уильяму на вид два-три года – значит, фото сделано в прошлом году. Светловолосый улыбающийся мальчик в зеленых шортах и футболке стоит перед Альфсеном. Футболка с надписью «Господь – пастырь мой» ему явно велика. Загорелые руки пастора покоятся на плечах мальчика, а его мама сидит рядом на стуле и сжимает руку сына. Фредрик знал, что ей не больше двадцати семи, но рядом с властной фигурой пастора она выглядит совсем девочкой. Ясные глаза широко раскрыты и не сощурены от солнца, как у двух других людей на фотографии. Крупноватый нос отбрасывает тень на узкое лицо. Светлые длинные волосы Аннетте свободно ниспадают на плечи, на белое платье. Колени плотно сжаты, ноги – босые. Она была очень красивой. Молодая светловолосая копия своей матери.

Религиозные энциклопедии, книги псалмов и несколько Библий были сложены на верхней полке. Одна из книг выделялась. На потрепанном корешке золотыми буквами было написано *Die Bibel*⁷. Фредрик аккуратно достал ее и открыл. На внутренней стороне обложки кто-то написал старомодным почерком: «Professor E. Brinch. Unsere tiefste Danbarkeit. Der Wiener Gesellschaft für Rassenpflege. Wien 1936»⁸.

Фредрик повернулся к криминалисту, которая исследовала тело Альфсена. Она как будто спиной почувствовала на себе взгляд следователя.

– Он был убит как минимум двенадцать часов назад, – сказала она, тщательно осматривая труп. – Застрелен с близкого расстояния. Но контакта между орудием убийства и жертвой не было. Я бы предположила, что стреляли с расстояния от пяти до пятнадцати сантиметров.

Криминалист направила пинцет к входному отверстию со следами пороха.

– Мелкий калибр, но этого достаточно, чтобы пуля прошла сквозь череп.

Хотя лицо и тело криминалиста скрывала спецодежда, Фредрик узнал эту женщину. Он уже видел ее раньше на других расследованиях, но никак не мог вспомнить ее имя.

– Я переверну его и исследую выходное отверстие, но это займет время. Так что если у вас есть другие пред...

Тересе. Вот как ее звали. Тересе Грёфтинг. Вообще она судмедэксперт, но, по слухам, у нее такие патологические интересы, что она переучилась на криминалиста. Чуть за сорок, начальник группы экспертов, не замужем, растит сына-подростка.

Он проигнорировал ее слова.

⁷ «Библия» (нем.). – Прим. ред.

⁸ Профессору Э. Бринку. Наша высочайшая признательность. Венское общество расовой гигиены. Вена, 1936 год. – Прим. ред.

– Вы говорите по-немецки?

– Ну, вообще да.

Он пробубнил текст с внутренней стороны обложки Библии.

– Профессору Э. Бринку, – перевела она. – С нашей глубочайшей благодарностью. Подписано Венским обществом расовой гигиены Вена, 1936 год». Занятный антиквариат у этого пастора.

– Да уж, и мне так кажется, – согласился Фредрик.

Когда Фредрик снова вышел на террасу, стояла ночь. Какой идиллией все это могло бы быть. Солнечный летний вечер на лужайке посреди леса. Прохладные тени. В воздухе, пахнувшим смолой и грибами, улавливались ароматы свежескошенной травы, листьев малины и свежеприготовленного клубничного морса. Ему послышались детский смех, кудахтанье кур, тихий шум из кухни в деревянном доме за его спиной. А затем эти звуки сменились гулом генераторов.

Дождь перешел в изморось, облепляющую тело, как мокрая фольга. Над трупами в саду поставили палатку, а рядом с амбаром установили еще одну – для начальства. Так почему же всех убили здесь, на улице? Почему не в своих комнатах, как пастора? Фредрик направлялся к лежавшим на лужайке трупам, как вдруг из палатки начальства прогремел знакомый голос. Это прибыл Себастиан Косс.

В самом крупном полицейском подразделении Норвегии было три бога в отделе по борьбе с насилием и преступлениями на сексуальной почве. Всемогущий отец всех и вся, комиссар Тронд Антон Неме. Он редко показывался, но всегда незримо присутствовал среди них. Он видел все, мог закрыть глаза на самые очевидные ошибки и при этом заметить малейшие недочеты.

Но Неме не любил пачкать руки. Для этого он выбрал себе двух помощников. Одна из них – Сюнне Йоргенсен. Она прошла все ступени синей униформы и теперь была на вершине карьерной лестницы. Вторым помощником был Себастиан Косс.

Статный мужчина, юрист по образованию, он никогда не скрывал, что просто одолжил полиции пару лет своей жизни. Он был создан для того, чтобы обладать властью, деньгами и влиянием. С накачанным телом, быстрым умом, гривой масляно-желтых гладких волос и узким безупречным лицом, он вполне мог бы иметь в интернете ник «Леголас»⁹.

Эту пару таких разных людей поставили руководить сложнейшей работой по расследованию дел об убийствах, насилии и прочей чертовщине, которую учиняли жители Осло и гости норвежской столицы.

В одном комиссар Неме мог быть уверен. Эти два инспектора никогда не объединятся против него. Полная противоположность друг другу, как инь и янь. Супермен и Лекс Лютор¹⁰.

– Йоргенсен! Какого черта здесь делает Фредрик Бейер? Твою мать, мы не можем позволить, чтобы полицейские с неустойчивой психикой шастали по местам преступления! Я думал, что припарковал его за письменным столом в офисе в Грэнланне¹¹.

Косс говорил громко, зычным голосом.

Фредрик заглянул в приоткрытый вход в палатку и уткнулся взглядом прямо в спину одетого в штатское Себастиана Косса. Пара прыжков – и Фредрик оказался бы рядом с ним. Он мог настичь его всего в два прыжка.

– Позволь объяснить тебе одну вещь, ясную как день, – прорычала Сюнне, едва доставшая помощнику комиссара до груди. – Фредрик на моей ответственности. Я ему доверяю.

⁹ Один из героев трилогии Дж. Р. Р. Толкиена «Властелин колец». Единственный представитель эльфов в Братстве Кольца. –Прим. ред.

¹⁰ Вымышленный персонаж комиксов, суперзлодей, заклятый враг Супермена. –Прим. ред.

¹¹ Район Осло с мультикультурной средой с преобладанием иммигрантского населения. –Прим. ред.

Так что иди к черту со своими... Их прервал громкий кашель Андреаса. Он стоял в палатке вместе с другими полицейскими, нашедшими здесь убежище от непогоды у столика в углу с большими полевыми термосами. Андреас ухмыльнулся и показал на Фредрика.

– И я рад тебя видеть, Косс, – мрачно сказал Фредрик.

Помощник комиссара проворчал что-то в ответ.

– Вот и отлично, – сказала Сюнне. – Все на выход. Фредрик, ты останься. Себастиан, – она строго посмотрела на коллегу.

Остальные полицейские неохотно потрусили мимо Фредрика к выходу из палатки. И только Андреас встретился с ним взглядом.

– Вот мудака, – пробормотал он достаточно громко, чтобы услышал Косс.

Фредрик с Коссом опустили за выцветший кемпинговый столик, на котором кто-то процарапал изображение члена с большими яйцами. Фредрик провел пальцем по неровной линии и поднял голову. Сюнне насыпала в чашки щедрые порции растворимого кофе и залила его кипятком из термоса, прекрасно зная, что Косс предпочитает чай.

– Это я нашел его, если ты не в курсе, когда он крутился вокруг мусорного ведра в комнате для допросов, не в состоянии о себе позаботиться.

Косс смотрел будто сквозь Фредрика.

– Ты что, не понимаешь, Сюнне? Парни болтают. В полиции народу нужно знать, где, кто и чем занимается. И мы все согласились с тем, что Бейера надо исключить из больших дел, которые могут... оказаться громкими. Он и сам ведь согласился с этим, насколько я помню?

Косс откинулся на спинку расшатанного стула и сложил руки на груди.

– Нельзя, чтобы там, где полно трупов, дрожали осиновые листья.

Сюнне покачала головой.

– Ты несешь такую невообразимую чушь, Себастиан. Фредрику поставили штамп, что он здоров. Ты это отлично знаешь.

Она перевела взгляд на Фредрика.

– Ты хочешь что-нибудь сказать?

– Нет. Ты попросила меня приехать сюда. Я приехал. Я ничего не имел против спокойного лета... – сказал он и повернул голову к Коссу, – за письменным столом в Грэнланне с моим делом об исчезновении. Только все дело в том, что женщина и мальчик, которых я ищу, жили здесь. Так что теперь это в некотором роде *тоже стало* моим делом.

Косс с недоверием уставился на Сюнне. Она тихонько покашляла, тем самым будто подтверждая слова Фредрика.

– В Сульру жила община «Свет Господень». Аннетте Ветре состояла в ней.

– Дочь Ветре из Христианской народной партии? Вот черт подери.

Спустя десять минут Фредрик и Андреас встретились на улице. Фредрик насмешливо изобразил, как мертвенно бледный Косс звонил комиссару Неме, чтобы сообщить, что дочь и внук одной из ведущих политиков страны бесследно исчезли. Новость приняли нехорошо.

– Сойдет для идиота, – тихо прорычал Андреас, направляясь к белой палатке на лужайке.

В палатке на коленях сидели два судмедэксперта, изучая труп, у которого сохранилось только полголовы. Его раздробленные ноги напоминали разбитый вдребезги часовой механизм. Один из одетых в белое людей поднялся и направился к Фредрику и Андреасу.

– Двое мужчин, обоим от тридцати до сорока, застрелены с относительно близкого расстояния из автомата. В первом две дыры, во втором – три. Это не считая пули, выпущенной в последнего, дабы помочь ему *раскрыть* сознание.

– Понимаю, – снисходительно отозвался Фредрик.

Он не завидовал работе этих парней. Черный юмор помогал им делать их дерьмовую работу. Обернувшись, Фредрик посмотрел на судмедэксперта. Оба трупа лежали босые, одетые в тренировочные штаны и футболки. И тела, и одежда были насквозь мокрые.

– Похоже, вам это будет интересно, – сказал судмедэксперт, показав кивком головы на несколько прозрачных пластиковых мешков, стоявших у одной из стен палатки.

В одном из них был перцовый баллончик. В другом – электрошоковый пистолет. Разряд, которым должны были обездвижить жертву, не был выпущен. Фредрик и Андреас переглянулись. Это оружие самообороны, запрещенное в Норвегии. С какой стати общине, находящейся посреди пустоши, приобретать себе такую вещь?

Глава 8

– Фредрик Бейер! Фредрик Бейер здесь?

Одетый в белое парень в круглых очках, откинув полог палатки, заглянул внутрь.

– Это я.

– Пойдем.

Он поспешил через лужайку к палатке на въезде в амбар и, войдя внутрь, остановился у мертвых тел. Жуткое зрелище. У Андреаса перехватило дыхание.

Перед ними лежал мужчина, верхняя часть тела которого свесилась с мостика заезда в ангар. Или же Фредрику только показалось, что это был мужчина. Он раньше никогда не видел человека, так сильно изрешеченного пулями. Кости были раздроблены, кожа и мышцы – разорваны. Свитер с капюшоном превратился в месиво из плоти и крови, а от лица ничего не осталось.

– Как минимум двадцать выстрелов с близкого расстояния из автомата. Очень агрессивно, – констатировал криминалист.

Фредрик, как загипнотизированный, уставился на изуродованное тело и лишь с трудом смог оторвать от него взгляд.

– Господи.

Он взглянул на Андреаса, который, побледнев, также стоял и рассматривал труп.

На бедре погибшего виднелся электрошоковый пистолет.

– Из него стреляли?

Криминалист замешкался.

– Не уверен. Мы еще не закончили с фотосъемкой.

Фредрик наклонился к изрешеченным ногам погибшего и увидел, что пистолет разряжен. Он посмотрел на криминалистов. Парень в очках подошел ко второму трупу.

– Пойдемте. Вот что я хотел вам показать.

Он спрыгнул с мостика заезда в ангар на траву. Фредрик последовал за ним. Криминалист обеими руками отодвинул в сторону большую бетонную плиту в основании фундамента. Тяжелая конструкция поддалась, но массивные петли при этом не издали ни звука. Бетонная дверь, заложённая камнями, сливалась с мостиком заезда. Примерно тридцать сантиметров в толщину, почти метр в ширину и высотой с Фредрика.

– Что за чертовщина? – спросил Андреас, бросив взгляд на коллег.

Криминалист вопросительно посмотрел на Фредрика.

– Да. Что это за чертовщина?

За грубой бетонной дверью оказалась еще одна – блестящая стальная, в которой Фредрик увидел отражение своего удивленного лица. Сталь была матовой, гладкой – ни единой царапины. Ручки на двери не было. Вместо нее – углубление посередине металлической поверхности. На дисплее мигали шесть зеленых звездочек.

– Она открыта?

– Похоже на то, – ответил криминалист.

Фредрик натянул резиновые перчатки. В углублении не было места для пальцев, и он попробовал толкнуть дверь от себя. Она не поддалась. И тогда он увидел, что на ней нет петель. Дверь была раздвижной.

Легкого касания углубления кончиками пальцев оказалось достаточно. За дверью раздался какой-то гул, и она мягко скользнула, как японская бумажная стена. Отлитая из добротной стали, эта дверь была вдвое тяжелее обычной. За дверью оказалось круглое, чуть меньше метра в диаметре, помещение без пола. Вместо него вниз в темноту уходила закреплённая

вдоль белой бетонной стены алюминиевая лестница. Параллельно лестнице вдоль стены шел ряд люминесцентных ламп, но они были разбиты.

– Вот, возьми.

Андреас медленно протянул Фредрику карманный фонарик. Он осветил в темноту. Ему показалось, что далеко внизу видно пол.

– Спускаюсь.

Фредрик зажал фонарик в зубах. Всего пара ступенек – и звуки сверху исчезли. Единственное, что он слышал, – скрип ступеней. Но чем дальше спускался Фредрик, тем сильнее менялись звуки. Сначала был слышен низкий металлический гул, затем щелчок и, наконец, свист сжатого воздуха. Эта звуковая последовательность повторялась с интервалом в десять – одиннадцать секунд. Еще несколько ступенек – и Фредрик был на месте. Ощувив под ногами твердый пол, он инстинктивно сжался. Фредрик взял в руку фонарик и осмотрелся. От оставшихся наверху коллег его отделяло примерно шесть метров. Справа в бетонной стене находилось отверстие, за которым в темноту уходил коридор. Звук шел оттуда. Фредрик не осознавал, что находится в подвале амбара. Землей, удобрениями и плесенью почти не пахло, но пахло чем-то другим, медицинским, как в больнице. Воздух был сухим. Здесь внизу было, наверное, минимум двадцать градусов. Прежде чем продолжить путь по коридору, Фредрик выключил фонарь и увидел какой-то проблеск. Он рассчитывал, что глаза привыкнут к темноте. Он прошел десять – двенадцать шагов, и коридор резко изогнулся. Он прислушался и заглянул за угол. Кромешная тьма, за исключением узкой полоски света. Как будто из приоткрытой двери.

Он подождал. Казалось, что свет оттуда мерцает в такт со звуком. На границе темноты и света, у основания пола ровные полосы света обрывались. Фредрик решил бежать вперед. Шумная дверь была оснащена вакуумным механизмом закрывания, который неприятно дребезжал, как будто ему что-то мешало. Дверь не закрывалась. Что-то лежало на проходе. Тюк. Похожее на тюк человеческое тело. Тяжелая металлическая дверь снова и снова ударялась об окровавленную голову. Фредрик поискал, за что ухватиться, и нащупал обмякшие плечи. Из всех сил напрягшись, он перетащил тело через порог. Дверь захлопнулась, и стало темно. Фредрик наклонился, нащупал у человека пульс и послушал.

Черт.

Включив фонарь, он поспешил обратно к лестнице.

– Немедленно вызывайте скорую! У нас выживший!

Глава 9

Спасатели работали быстро и молча.

Фредрик и Андреас вместе с двумя полицейскими с автоматами, в шлемах образовали кольцо вокруг не подающего признаков жизни мужчины. Каждый из них направил свет своего фонаря на работающие руки врачей из скорой.

Раненый был одет не так, как другие жертвы. На трупах в саду не было обуви. Очевидно, спасаясь, люди одевались в спешке. А у этого человека были зашнурованы ботинки, на джинсах был застегнут ремень, и поверх рубашки надет тонкий свитер с V-образным вырезом. Это могло свидетельствовать о том, что он бодрствовал, когда пришел преступник. Что это значит? Они были знакомы?

Голову мужчины заслоняла спина спасателя в желтом, но Фредрик успел хорошо рассмотреть мокрое лицо пострадавшего, пока пытался помочь ему дышать в ожидании врачей. Мужчина лежал с закрытыми глазами. Из приоткрытого рта выбивалась красно-белая пена. Светлые волосы были выпачканы в крови. И только по тихому, прерывистому, хриплому дыханию можно было понять, что в этом теле теплится жизнь. На вид мужчине было около сорока. Фредрика затошнило от мысли, сколько пролежал этот человек, пока тяжелая металлическая дверь плющила ткани, хрящи и череп.

Удивительная воля к жизни. Он и раньше наблюдал это – изуродованные тела на месте преступления. Скрюченные и застывшие, их можно было принять за мертвецов, но глубоко внутри, в самых недрах, тлел огонек жизни.

Но стоило ли продолжать после этого жить?

И потом он тоже встречал таких «овощей», когда брал у них свидетельские показания. На реабилитации. По шрамам и пересаженной коже можно было догадаться, что их медленно восстанавливают с помощью стальных нитей и штифтов. Но их глаза, их тихие надтреснутые голоса, дрожь... Неловкая жалость родственников и друзей. Недержание и вонь от подгузников. Да ни черта. Ни черта оно того не стоит. Ни черта оно не стоит – такое возрождение.

– Что думаете?

Фредрик надеялся поймать взгляд врача скорой помощи, пока закрепляли ремни на носилках, но врач даже не посмотрел на полицейского. Вместо этого он сжал губы и покачал головой.

– Мы будем обыскивать остальную часть помещения с оружием. Это приказ Сюнне, – произнес Андреас и протянул ему полуавтоматический пистолет «Хеклер и Кох».

Фредрик почувствовал в руке тяжесть оружия в кобуре из синтетического материала. Он проверил магазин пистолета и надел через голову пуленепробиваемый жилет. Фредрик вспотел. До этого момента он не волновался. Но теперь он нервничал из-за оружия. Ему не нравилось ни ощущать пистолет на бедре, ни держать его в руках. Из-за этой неприязни к оружию он был плохим стрелком. Фредрик заметил взгляд Андреаса. Это был взгляд психолога. Коллега собирался задать Фредрику вопрос, но тот опередил его.

– Все нормально.

Полицейские с автоматами заняли места по обе стороны двери в коридоре. Надвинув забрала на лица, они ждали сигнала.

Дверь приоткрылась, тихо скрипнув, и их ослепил комнатный свет. Фредрик зажмурился, прежде чем снова открыть глаза. Двое полицейских уже проникли в помещение и передвигались перебежками вдоль стен с оружием наготове. Андреас стоял в дверях, держа пистолет на уровне груди.

Комната была размером со школьный класс. Стены и потолок выкрашены в ослепительно-белый цвет. Из люминесцентных ламп, расположенных на потолке в два ряда, лился

яркий свет. На полу, застеленном гладким серым линолеумом, были отчетливо видны следы крови. Вдоль стен стояли рабочие столы, усыпанные битым стеклом и уставленные реагентами, емкостями с пипетками, пинцетами, пластиковыми штативами и прочим лабораторным инвентарем. В шкафах над столами находились колбы, весы, прозрачные пластмассовые чаши и множество всевозможных склянок в пластиковых контейнерах. Под столами стояли холодильники и газовые баллоны.

Без сомнения, это была лаборатория. По царившему в ней беспорядку можно было догадаться, что здесь что-то искали. Еще одна дверь в другом конце комнаты была слегка приоткрыта. Полицейские ринулись в помещение.

– Все чисто! – прорычал один из них.

Фредрик снял жилет. Хотелось пить. Сердце колотилось в груди. Дыхание было частым и прерывистым. Он вспотел.

– Что это за чертово место, – громко сказал Андреас. – Оно явно не для молебнов.

Фредрик попросил полицейских сообщить Сюнне, чтобы та вызвала группу криминалистов.

– И кого-нибудь, кто разбирается в химии. Кого-то, кто сможет объяснить мне, что значит вся эта чертовщина!

Он опустился на колени перед одним из холодильников и аккуратно потянул дверь. Пусто. Проверил следующий, затем все остальные. Везде было пусто.

– Здравствуйте, это Кари Лисе Ветре, Христианская народная партия. Спасибо за ваш звонок. К сожалению, я не могу подойти к телефону, но вы можете отправить мне текстовое сообщение, и я свяжусь с вами. Если вы представитель прессы, можете связаться с моим советником Тиной Хольтен. Хорошего дня!

Глава 10

Герхард Мунсен сложил ладони перед собой и скользнул взглядом по конференц-залу. Он стоял молча поразительно долго.

– Политика, – начал он, – искусство возможного.

Мунсен, одетый в обтягивающий, сшитый на заказ костюм, поправил пиджак. Из-за озорного взгляда он выглядел моложе своих лет.

– Политика без результатов – не что иное как упражнение для мазохистов и бесконечный фуршет с канапе и болгарским красным вином.

Он услышал тихий смех. За круглыми столами сидели десятки политиков из Стортинга, руководителей партий и советников. Покинув сцену, оратор оказался прямо среди них и остановил взгляд на сидевших за столом перед ним лидерах партий.

– Я здесь, чтобы говорить о том, что требуется. Что требуется от *вас*. Что требуется, когда политики четырех гражданских партий впервые в истории нации должны объединиться и править страной. Вместе. Заниматься *реальной политикой*. Применять закон всемирного тяготения в политике. Проявлять умение отдавать, чтобы получить.

Заднеязычное «р» выдавало в его речи диалект¹².

– Правительство, в котором не все части аппарата власти признают этот закон, будет медленно пожирать само себя.

Его улыбка торговца обнажила белые как мел зубы.

– Пока в конце концов оно не падет замертво у ног мстительной оппозиции.

Он сделал паузу, а затем продолжил:

– Готовое к тому, чтобы его забили до смерти и сожрали.

Кари Лисе Ветре изучала лица сидевших в зале людей. Восемь летони были грифами, оппозицией. Опросы общественного мнения свидетельствовали о том, что они хорошо делают свою работу. От скелета правительства вскоре не останется и мелкой косточки.

– В тот день, когда мы сформируем правительство, все непреодолимые разногласия между нашими четырьмя партиями должны быть устранены. Потому что у политических сорняков есть кое-что общее: они пробивают бетон, а этого не потерпит ни одно правительство. Даже нынешнее.

Он снова замолчал.

– Об этом я и хочу поговорить с вами сегодня.

Он развернулся, словно танцуя танго, и пошел обратно к сцене.

– О том дне, когда мы сформируем правительство.

Что если они на самом деле выигрывают на выборах? Тогда именно с этими людьми он будет править страной. Нет. Не править. Менять. Менять страну вместе. Премьер-министр должен быть из правых. Это понятно. Их больше всех. Она остановила взгляд на Симоне Рибе. Если можно считать, что у круглого стола есть конец, то там и сидел лидер правой партии «Хёйре». Его волосы цвета перца с солью были гладко причесаны, как у многих государственных деятелей, лицо было загорелым, а зубы – идеально вычищены и отбелены. На нем был галстук королевского синего цвета и темный костюм, сидевший на нем как спортивное трико на конькобежце. Будущий премьер-министр страны.

Рибе подмигнул Кари Лисе. У него был особый дар чувствовать, когда за ним наблюдают. Его глаза хищно сощурились.

Христианская народная партия собиралась бороться за то, чтобы ее лидер Вибекке Фисквик стала министром финансов. Толстая и добродушная, в ярком костюме рядом с Рибе она

¹² В западных диалектах Норвегии основной отличительный признак – заднеязычное «р». – Прим. пер.

была похожа на японскую иглобрюхую рыбу. Ее грудь покоилась на поверхности стола. Вибекке выросла в самом сердце фьордов западной Норвегии. Она представляла самое консервативное ядро партии. Выдержит ли она бремя такой должности – министра финансов? Ветре сомневалась в этом, но это сомнение она хранила как государственную тайну. Кари Лисе проиграла борьбу за руководящее место. Партия захотела выдвинуть Вибекке, и она должна совершить свои собственные ошибки, когда придет время.

Оратор, Герхард Мунсен, был легендой «Хёйре». Насколько она знала, он родился за границей, в Германии, но его родители были норвежцами, выходцами из среднего класса. Мунсен поступил в школу офицеров и сделал карьеру на флоте. В конце шестидесятых он удачно вложил свои средства, а в начале семидесятых, еще не завершив юридическое образование, стал миллионером-судовладельцем. Теперь он слыл баснословно богатым филантропом, известным своими щедрыми пожертвованиями. Молодые выскочки из «Хёйре» называли его участие в семинаре хеппенингом. Он был для них ветераном, стоявшим у истоков партии, с тех пор как «Хёйре» последний раз правили страной. Мунсен два года занимал кресло министра юстиции и восемь лет был членом Стортинга. Ветре прекрасно помнила, как он проигнорировал ее в коридорах парламента. Она была молодым советником. Он – *экс-министром*.

– Необыкновенно приятная сволочь, – сказал ее муж. Именно таким он и был.

Кто-то с силой ткнул Кари Лисе пальцем в плечо, что вывело ее из состояния задумчивости. Это оказалась Тина, ее советник.

– Вам нужно идти.

Глава 11

Из прорези в шапке-балаклаве на них смотрели глаза, в которых не было ни капли страха – только решимость. А потом экран засыпало снегом, и все почернело.

Они стояли в самой дальней темной комнате в подвале Сульру. Мигающий красный свет в верхней части двери говорил о том, что сработала сигнализация. Пол был выстлан приглушающим звук покрытием, а под рабочим столом гудел вентилятор. Пахло расплавленным пластиком и жженой пылью: запах цифровой лаборатории. На столе стояли четыре плоских монитора с поделенными на четыре части экранами. На них выводились изображения с камер видеонаблюдения, которые община спрятала повсюду в своем владении. Андреас потратил почти час, чтобы найти отрывок видео из амбара.

– Хорошая работа. Я сообщу Сюнне, – сказал Фредрик, хлопнув его по плечу.

– Спасибо, напарник, – ответил Андреас.

Напарники. Вот кем они были. Фредрик Бейер и Андреас Фигуэрас.

В попытке успокоить жаждущих результатов политиков комиссар Неме организовал то, что он сам называл «внутренними партизанскими отрядами полиции». Маленькие тактические подразделения. Они продвигаются в расследовании быстро и без бюрократии. Расследуют и раскрывают дела. Так называемая «команда разведки». Название вдохновило и политиков, и журналистов, и тем самым, на первый взгляд, была сделана половина работы. Газеты писали, что команда состоит из «опытных, ответственных и сформировавшихся как профессионалы следователей» с сердцем полицейского, бьющимся в интересах жителей города. А в полиции все знали, что на самом деле существует только три типа полицейских, сидящих, уплотнившись, в самом углу опенспейса в Грёнланне: неспособные, невезучие и впавшие в немилость.

Андреас определенно принадлежал к последней категории. Трудолюбивый следователь, один из лучших специалистов по допросам, аналитик, обожающий сложные дела. Но Андреас был еще и настойчив, как священник, а общительным становился только на праздниках и похоронах. Его карьера застыла в мертвой точке. Замерла. Отчалила, как шлюха на второй день Нового года.

Фредрик причислял себя к невезучим. Приступы страха были его слабым местом, а слабость непозволительна в отделе, управляемом тестостероном. Но он хорошо служил в полиции много лет. «Хорошие следователи нам тоже нужны», – как-то сказала ему Сюнне, заплатив за ланч. Черт возьми, да что можно на такое ответить? Тогда-то и начались неудачи. Чтобы подсластить пилюлю, руководство разрешило ему самому выбрать себе напарника, и он взял Андреаса. Они были двумя старыми брызгами, работавшими плечом к плечу так давно, что он едва помнил сколько. Вместе они прошли через убийства, похищения, насилие и трагедии. Вся эта чертовщина медленно отнимает у тебя жизнь, но между тем ты обретаешь друзей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.